

Охотничьи угодья императорской семьи располагались на некотором отдалении от города. Здесь начинались горы: богатые одежды придворных трепал холодный к чужим чувствам ветер, а иней по утрам на крыши строений и дорожки ложился особенно колючий и изящный, словно каждую ночь небожители серебряными кистями раскрашивали мир. Вряд ли можно было приказать небожителям заниматься более важными делами, потому и на помощь их рассчитывать не приходилось, и не было смысла им молиться. Летящий к серому небу дым благовоний был красив, и в такой же неверный дым превратилась бы судьба человека, не возьми он ее в свои руки.

Только теперь после нескольких дней пути Пятый принц мог быть уверен, что вокруг нет чужих ушей и глаз. Пусть проблема не была решена, а отношения между Императором и его неугодным пятым сыном в резиденции, что все же была меньше императорского дворца, обострились еще более, но взлететь в небеса на мече было куда проще, чем без него. Сказанное Третьим братом еще звучало поминальной песней в ушах Его Высочества, но от рассказа друзьям ему стало будто бы спокойнее.

— Появление здесь варваров грозит новой опасностью, — покачал головой Фэн Жун, выслушав сказанное. — Кто знает, что еще они выдумают? И в то же время, — юноша задумался. — Если в убийстве служащего их участие не было доказано, могут они ехать теперь в столицу, чтобы отомстить за клевету?

— По-твоему все мелочны, подобно тебе? — спросил Пятый принц. — Жизнь в степи трудна, к тому же не так давно их загнали дальше обычного в бесплодные земли войска Императора, и уже зима — думаешь им есть дело сейчас до чужого злословия?

— Мне кажется, молодой господин говорит верно, — сказал господин Ли, немного подумав. С улицы доносился тонкий звон бамбуковых колокольчиков и шум деревьев: такого чистого звука не было в столице. Но для некоторых бесстыдных людей слаще ветра и песен птиц звучал голос Ли Инчуня: — Конечно, не о мести за клевету, это смешно...

— Я просто предложил! — возмутился Фэн Жун, но более не стал возражать, внимательно слушая.

— Их прибытие в столицу грозит новыми проблемами. И как удачно, что Третий принц об этом узнал. — господин Ли взглянул на Фу Ичжэня. — Его Высочество рассказал, как ему удалось получить столь важную информацию в обход людей императора?

— Семья его наложницы живет в Чжэнчжоу, и так вышло, что у них эти люди купили какие-то вещи в дорогу — слуга заметил варварский жетон, рассказал хозяину, а тот тут же передал Третьему принцу. Каждый тут хотел выслужиться перед вышестоящим, потому рассказал только ему, ожидая награды.

— Для Вашего Высочества это отличный шанс, — заметил господин Ли и указал на карту, что лежала перед ним на низком столе. На край ее, заслушавшись рассказом, Фэн Жун поставил фарфоровую пиалу и господин Ли взял ее, поставив в одно место. — Вот тут перевал Дикой сливы, — сказал он. — Место опасное для путешествий, потому безлюдное. Если небольшая группа людей из Чжэнчжоу решит идти к столице, то обязательно пройдет здесь. А тут, — Ли Инчунь протянул руку и другую пиалу, принадлежащую Пятому принцу, поставил на точку чуть ниже на карте. — Охотничьи угодья Его Величества. Если вдруг какой-то принц захочет покинуть их и отправиться к перевалу, чтобы одолеть неприятеля и выслужиться перед Императором, ему будет это сделать очень легко.

— Ты хочешь сказать, — нахмурившись, Фэн Жун глядел на карту. — Что это подстроено специально? Что варвары подставные?

— Почему же, может быть вполне настоящие, — сказал господин Ли и отпил немного чая. За время путешествия от столицы до резиденции у него снова начал жар. — Если долго живешь рядом с кем-то, пусть между вами и вражда, легко завести несколько полезных знакомств. И потом пообещать им помощь в обмен на маленькую услугу.

Фэн Жун глубоко вздохнул, нахмурился и откинулся на высокую спинку лавки, обшитую цветным сэтином. На нем были плотные одежды с мехом у ворота и рукавов, а лоб молодой господин перевязал тонкой лентой на охотничий манер. Он и сам сейчас напоминал варвара: молодого, не умеющего еще усмирить горячую кровь, а оттого наивного.

— Все это слишком... — сказал он и мгновение помолчал, подбирая слова. — Кроме того, что сведения к Третьему принцу попали крайне удачно, нет причины думать, что они ложны. Если кто-то хочет подставить одного из принцев таким запутанным способом... Слишком много всего нужно учесть и очень хорошо знать человека!

— Наблюдать за его поступками вторую жизнь — годится? — спросил господин Ли, но тут же смягчился. Он посмотрел на Пятого принца. — У нас в самом деле два пути: сообщить Императору и оставить ему разбираться с этим, или попытаться устроить ситуацию в свою пользу. Если мы верно разгадали чужие намерения, то уже находимся на шаг впереди. Вашему Высочеству решать.

Некоторое время Фу Ичжэнь молчал, глядя на карту с отрешенным выражением. Глаза его, черные, в обычное время озорно блестящие, казались заволоченными серым туманом: воспоминаний ли, или грез о будущем. Его Высочество казался крайне сосредоточенным: но на самом деле едва ли думал о чем-то. Звуки с улицы оглушили его, вытеснив всякие иные мысли. Они очень похожи были на то, что слышал Фу Ичжэнь во время жизни в секте, и так и казалось, что в один миг сейчас раздастся голос учителя или неугомонных шиди...

— Ты думаешь, — спросил Пятый принц через время. — Что мы сможем извлечь выгоду из этого?

— Мне нужно узнать еще несколько вещей, но в остальном — точно сможем, — со странным для себя воодушевлением отозвался господин Ли. Он вновь указал на карту. — Тот, кто устроил это, точно хочет, чтобы Ваше Высочество в одиночку отправился ловить варваров: либо там вас ждет ловушка, либо что-то случится здесь в ваше отсутствие. Исход мне видится один: репутация Пятого принца будет растоптана, а Третьего — заметно расшатана. Думаю, советники Его Высочества пришли к тем же выводам, иначе не передали бы этих сведений нам. Они хотят таким способом отвести от себя удар — но это нам лишь на руку.

— Хорошо, значит, так и поступим, — сказал Фу Ичжэнь, глубоко вздохнув. — Этот шанс упустить будет глупо.

— Тогда мне потребуется несколько ваших подчиненных, — сказал господин Ли и поглядел на Фэн Жуна. — А вам, молодой господин, лучше не вмешиваться. Если желаете остаться в столице, держитесь в стороне.

— Что мне теперь, и послушать вас нельзя? — чуть насупившись, отозвался Фэн Жун, но тут же в лице его появилась нежность. — Пусть так, но я все еще могу помочь вам, только спросите. Даже если мы выбрали разные пути, вы все равно останетесь моими дорогими друзьями.

Ли Инчунь не любил подобное проявление чувств — он ощущал себя в такие моменты небывало уязвимым. Юноша только коротко кивнул и опустил глаза к карте, а Пятый принц так и вовсе остался погружен в свои невеселые размышления. Молодой господин не стал обижаться на них обоих. Все же он был старше и явно куда умнее, потому не стеснялся говорить об истинных своих чувствах: для стеснения радостный час встречи в самом деле был слишком короток.

Так, в душе восхваляя собственные кротость и благодетельность, молодой господин удалился к себе, а Ли Инчунь и Пятый принц занялись иными делами. Господин Ли засобирався: для осуществления его планов требовалось встретиться с несколькими людьми. Юноша надел теплый плащ, подбитый мехом, поверх темного чаошана с узкими рукавами, и убрал волосы. Образ его стал довольно приметен: слишком прост для придворного, слишком богат для слуги, без отличительных знаков, что присущи были министрам или военным — Ли Инчунь словно был лишним в лабиринтах резиденции и непременно в ближайшее время упорхнул бы туда, где ему быть положено — в резиденцию небожителей.

Это поместье императорской семьи, использовавшееся всего раз в год, носило название резиденции Водных цветов: вероятно, отражая призрачную мечту Императора о спокойствии, какую он сам откладывал раз за разом. Это название дала поместью покойная Императрица, мать Второго и Третьего принцев: в те времена, когда новый Император еще только взобрался на престол, когда мысль о неподчинении ему была сродни предательству, а недавнее тихое, но кровавое воцарение утопило всех несогласных, и не успел еще поток времени принести в подножью трона новых.

Виды поместья воспевали царившее тогда спокойствие. Тонкие столбы из белого мрамора поддерживали резные скаты крыш павильонов и беседок, каменные мостики по-кошачьи дыбили спины, и зеленоватая вода под ними оставляла на камнях причудливые узоры с каждым трепетным биением созданной холодным ветром волны. Листья совсем облетели, от деревьев-пагод остались жмущиеся от холода сваи, а белый снег, легший минувшими ночами на зверей-хранителей на коньках крыш меховыми накидками, казался серой пылью.

Было очень тихо. Пусть теперь коридоры поместья наполнились слугами и придворными, то ли зима, то ли привыкшие к одиночеству стены глушили их — оставался только шум ветра. Стоял день, еще было светло, потому эта тишина казалась господину Ли особенно ценной. Она была въедливее шума и отгоняла любые мысли, какими обычно юноша себя занимал. Он ни о чем не думал сейчас, лишь наблюдал за творящейся вокруг странной, молчаливой, но манящей красотой.

В резиденции Водных цветов было много садов — в один из них Ли Инчунь и отправился. Высокие побеленные стены издали казались небесным приделом, местом, где кончился наконец-то мир — но внезапно в них обнаруживались лунные ворота, поглотившие сад. Многие каналы пересекали территорию в несколько ли словно письмо нерадивого ученика чистый лист, а мостики через них казались чернильными пометками. В этом саду была лишь единственная широкая беседка, расположенная в центре, на которую господин Ли взглянул мельком. По дорожке из черного песка он отправился на южную сторону сада, где виднелись меж облетевших деревьев и кустов чужие одежды. Издали его хромой шаг легко мог услышать любой, кто имел бы хоть каплю внимательности, потому очень скоро Мин Цзе, что сидел до этого на каменной лавочке, спрятав ладони в подмышки, вскинулся юноше на встречу.

— Инчунь! — улыбнулся он, и алые щеки его округлились. На молодом чиновнике были одежды министерства, широкий атласный пояс и пряжка из резного золота — словно он опасался, что никто не признает в нем сделавшего достойную уважения в столь юном возрасте

карьеру.

Ли Инчунь вздохнул.

— Господин Мин, — сказал он, обходя лавочку кругом. В иное время года ее бы скрывали деревья, и дорожка, ведущая к этому уединенному месту, петляла: вместо того, чтобы пройти по припорошенной снегом земле, господин Ли предпочел следовать намеченному пути, пусть и было это дольше и, для его больной ноги, тяжелее. Впрочем, тяжесть этого юноша сполна оправдывал разговором. — Наша встреча предполагалась тайной, а вы разоделись, словно на прием к Его Величеству. Все только приехали, потому в резиденции царит беспорядок. Он хорош для того, кто хочет спрятаться — но плох в той же степени. Что вы ответите Императору, если он вдруг спросит, зачем вы встречались с человеком Пятого принца? Его Величество не сможет спать ночами от беспокойства, если пронюхает!..

— Наша встреча — пустяк, но ты сейчас сказал слов на куда более серьезное преступление в глазах Императора, — отозвался Мин Цзе, чуть скривившись. Тут же, впрочем, он улыбнулся. — К тому же, мы давние друзья: пусть наши господа относятся к разным ставкам, разве не можем мы обсудить дела, не касающиеся их?

— В этой жизни мы с тобой знакомы никогда не были, — господин Ли наконец приблизился к Мин Цзе и поглядел на него сверху вниз. Разница в их росте была всего в несколько цуней, но молодой чиновник еще рос и оставался пышущим жизнью юношей — тогда как Ли Инчунь был худ и бледен. Прогулка оставила на его скулах лишь едва уловимый призрак румянца, а губы господина Ли, напротив, потемнели.

И все же на белой яшме его лица не было ни пятнышка: Мин Цзе невольно восхитился. Ум радуется от разговора с знающим человеком, но душа радуется еще более, когда человек красив — так думал молодой чиновник. К таким людям невольно легче было проникнуться.

Между тем этот красивый человек сказал:

— Его Высочество принял решение. Он возьмет на себя заботу о полученных Третьим принцем слухах.

— Это хороший шанс для Пятого принца, — сказал Мин Цзе и тут же искренне вздохнул. — Пусть я в самом деле не думаю, что в глазах Императора и победа над целой армией варваров восстановят честь Его Высочества. Он едва не позволил случиться беде с драгоценной дочерью Императора!.. Если бы молодой господин Фэн не забрал ее в ту ночь и не позаботился, сейчас столица оделась бы в белые цвета...

— Не будем об этом, — сказал господин Ли. Рассказать о том, что лишь ради господина Фэна в большей мере это все и затевалось? Очень хотелось, но Ли Инчунь умел держать себя в руках.

— Хорошо-хорошо, дела прежде всего, — улыбнулся Мин Цзе, словно только этого и ожидал. — Его Высочество решил, как будет действовать? Мой господин не обещает соскоблить кожу до костей, но может сделать вам несколько одолжений.

— Пятый принц будет помнить об этом, — отозвался Ли Инчунь. — Пока говорить о планах рано, нам нужно многое обдумать. И прежде всего я хочу спросить тебя, как человека, что знает хоу дольше нас всех...

— Ты уверен, что это подстроил хоу? — с живым интересом спросил молодой чиновник. Господин Ли отозвался коротко:

— Более чем, — он отвел взгляд, к тянущимся в сторону людей веткам облетевшего куста — словно в мольбе о помощи. Ли Инчунь сказал: — Чиновника Сяня казнили за несколько дней до празднования Нового года. Все произошло так, как ты рассказал: только за него никто не вступился.

— Пань Тань не желает оступаться на одной тропе дважды, — покачал головой Мин Цзе. Конечно, о судьбе доброго, но глупого чиновника он тоже знал. — Это достаточное подтверждение тому, что я говорю правду?

— В некоторой степени. Твоя история все еще удивительна.

— Но многое объясняет! — жарко отозвался Мин Цзе. — И отношение хоу ко многим людям, и его поступки... и успехи Третьего принца! — молодой чиновник гордо вскинул голову. — Конечно, я по мере сил помогаю своему господину не оступиться там, где он оступался когда-то: это можно объяснить только или моей небывалой удачливостью, или тем, что я проживаю вторую жизнь.

Господин Ли прищурился и язвительно спросил:

— А почему бы не попытаться свои успехи объяснить упорством и умом, а не чем-то мистическим?

— Что ты, Инчунь, я вовсе не так хитер и остроумен, — улыбнувшись, отозвался Мин Цзе. Ли Инчунь не пытался сделать комплимент — потому от чужой реакции на миг недовольно поджал губы. Тут же, впрочем, лицо его вновь лишилось всякого выражения.

— Скажи, чего сейчас может желать Пань Тань? Что еще такое случилось в той жизни, чего он мог бы хотеть повторить, или любыми способами избежать?

От перехода из пустой болтовни к серьезным темам Мин Цзе на миг растерялся — но тут же глубоко задумался. Он сказал:

— На самом деле что тогда, что сейчас, я никогда близко не общался с хоу: в той жизни к делам при дворе я приобщился уже тогда, когда он потерял всяческое расположение, к тому же вступил сразу в ставку Третьего принца — к чему мне было с ним дружить? Теперь и того более... Но, когда стало ясно, что он тоже помнит прошлое, я много размышлял о его мотивах. Он не стал повторять ошибок прошлого в командовании и закончил войну с западными племенами куда быстрее; не спорит с Императором, а потакает ему; решительно отказывается от одних людей и дорожит другими...

— Как в случае с его подчиненными, господином Лю и госпожой Гао?

— Точно-точно! В прошлой жизни он еще сомневался, поддержать ли их брак и ребенка, но в этой не стал даже задумываться, — Мин Цзе пожал плечами. — Однако исход что там, что здесь будет один. Я не обладаю такой проницательностью, как ты, Инчунь, но вот, что мне кажется, — молодой чиновник выдержал для пущего эффекта паузу. — Из разительных отличий в этих жизнях лишь его супруги. Здесь он взял в жены Фэн Сяолин, но тогда планировал жениться на Четвертой принцессе. Она, однако, скоропостижно скончалась, что стало ударом и для генерала, и для Императора.

Господин Ли задумался.

— Ты думаешь?..

— Только рассуждаю, — легко отозвался Мин Цзе. — Ты и сам заметил, что последние события направлены на одно — угнетение репутации Третьего и Пятого принцев. Пань Тань, кажется, решил поддержать Второго Его Высочество, оттого пытается помешать нам. Он не знает наших планов, но может с великой точностью предположить, как Император отреагирует на те или иные события. Четвертая принцесса генералу теперь без надобности, но если она по вине твоего или моего господина вдруг умрет...

— Виновный будет тяжело наказан, — заключил Ли Инчунь. Мин Цзе рассмеялся.

— Более того! Гнев нашего Императора необъятен, а изобретательность велика. Если ты прав и варваров к столице вызвал Пань Тань, но он рассчитывает, что Третий или Пятый принцы вмешаются, тем самым каким-то образом подставив себя. Я уверен, что или в самой этой группе есть проблема, либо во время нашего отсутствия с Четвёртой принцессой что-то случится. Кстати, — молодой чиновник вдруг задумался. — Оберегать ее поручили ведь Пятому принцу?

— Да, — коротко ответил Ли Инчунь. Его Высочество вымаливал у Императора прощение — и тот вместо позволения поехать ему на охоту и наладить среди чиновников связи, показав себя, обязал его наблюдать за сестрой. Очень прямой способ показать принцу его место.

— Тогда все это точно затеяно для того, чтобы уничтожить Пятого принца, — уверенно заключил Мин Цзе. — На вашем месте я бы не оставлял Ее Высочество ни на мгновение — и тогда, быть может, все обойдется.

Но господин Ли думал о другом. Мысли его, словно палые листья крутил водоворот размышлений, складывая в одну пеструю картину. В ней чаяния и желания разных людей изящно совпадали наилучшим из возможных — по мнению Ли Инчуна, конечно же, — образом.

— Хорошо, — сказал он через некоторое время. — Хорошо, я вас понял, господин Мин. Спасибо за помощь.

— Ха-ха, обращайся! — радостно отозвался Мин Цзе и неожиданно дружески хлопнул господина Ли по плечу. Тот, опирающийся на трость и поднявший незаметно больную ногу, покачнулся. Молодой чиновник словно не замечал этого, продолжая болтать. — Мне радостно видеть тебя таким, погруженным в дела и планы. Это напоминает мне о молодости. Ведь мне куда больше лет, чем этому телу: кажется, я становлюсь мягким! Как мы вместе выдумывали что-то, как исполняли, как продумывали каждое слово для Его Высочества и каждое решение... Знаешь, иногда теперь я чувствую себя неуютно оттого, что вокруг все другое, и не всегда могу понять, случилась ли какая-то вещь, или она мое несбывшееся воспоминание — но рядом с тобой любые тревоги отступают. Мы вновь покажем хоу его место и останемся при дворе: так выходит, что почти ничего и не поменялось! Разве это не замечательно?

Господин Ли чувствовал себя неловко от чужой радости — обращенной не к нему. Ни ярость, ни дружелюбие, однако, не будили в его душе ответных чувств. Ли Инчунь считал, что душа его мала, а в сердце совсем нет отверстий, чтобы принимать чужие чувства — там помещались всего несколько человек и один кот. Но только что он получил от Мин Цзе неоценимую помощь, и помощь ему еще требовалась, потому господин Ли не стал спорить. Он неопределенно хмыкнул и поглядел на чернеющее небо. Как день меняет ночь и тепло — холод, ему было радостно от изменений.

Мин Цзе: ...и пусть все вернется к тому, как было в той жизни.

Четвертая принцесса: Протестую.

Фэн Жун: Протестую!

Фу Ичжэнь: Еще два голоса против.

Маленький театр x2:

Мин Цзе: ...так вот, Четвертая принцесса вдруг ни с того ни с сего скоропостижно совершенно неожиданно скончалась....

Пань Тань: Эм?! Будто ты не один из ублюдков, планировавших ее смерть??

Мин Цзе: Кто-то что-то говорит? Не знаю, не помню, я был хорошим человеком.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1752415>